

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТЫЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММЪ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во весь городъ Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

1.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе, къ 6-му числу декабря 1904 года, крестьянина Василія *Пискарева*, за заслуги по вѣдомству О. Протопресвитера, золотою медалью, съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на Станиславской лентѣ.

2.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ къ 6-му декабря 1904 года — дню Тезоименитства Его Императорскаго Величества, на награжденіе за заслуги по вѣдомству О. Протопресвитера серебряными медалями съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, сторожа канцеляріи Духовнаго Правленія

при Протопресвитерѣ военнаго и морского духовенства крестьянина *Василія Арсеньева* и сторожа при Главномъ свѣчномъ въ С.-Петербургѣ складѣ для церквей военнаго и морского духовенства крестьянина *Степана Точилкина*.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ,

поступившія въ церкви военнаго и морского вѣдомствъ, по донесеніямъ о нихъ за сентябрьскую треть текущаго 1904 года.

1) *Въ церковь 6-й артиллерійской бригады*: отъ командира той же бригады генераль-маіора *А. В. Венюкова*—образъ Богоматери въ серебро-позлащенной ризѣ (8 верш.), отъ гг. офицеровъ бригады 60 руб. на обновленіе иконостаса.

2) *Въ церковь Самаркандскую военно-жельзнодорожную*: отъ священника той же церкви *Иордана Ломтадзе*— пять серебрянныхъ лампадъ 84 пробы, кадило, крестъ, книга Апостолъ въ серебр. оправѣ и мельхиоровое антидорное блюдо, стоим. все—320 р. 57 к., отъ прихожанъ: *М. Князева*—серебряные кропило и копіе, стоим.—15 р., *М. Бондаренко*, *Е. Швагырева*, *И. Дервянкина*, *Е. Марковой*, *С. Мерзлякова*, *А. Гриценко* и *В. Турыгина*—по одной серебряной 84 пробы лампадѣ стоим. отъ 14 до 35 руб. и *П. Калыгина*—серебр. плащаница, стоим.—140 руб.

3) *Въ церковь Воронежскаго дисциплинарнаго баталіона*: отъ жены подполковника баталіона *Е. Краснопѣвцевой*— двѣ парчевыя пелены на аналои и воздухи, стоим.—40 руб., московскаго фабриканта *С. Мѣшкова*—священнослужительское мишурное облаченіе, стоим.—60 руб.

4) *Въ церковь 114-го пѣх. Новоторжскаго полка*: отъ дворянки *О. Орсуль*—икона Казанской Божіей Матери съ лампадою, стоим.—35 р., жены ктитора церкви *Ольги Карповой*—икона св. Великомуч. Георгія Побѣдоносца съ лампадою, стоим.—15 руб., жены командира полка *С. Чагиной*—два плюшевыхъ ковра стоим.—50 руб., дворянки *А. Смирновой*—двѣ полотняныхъ срачицы на престолъ и жертвенникъ, стоим.—5 р. и жены командира 20 армейскаго корпуса г. *Кахановой*—15 арш. шелковой матеріи, затканной золотомъ, на священническое облаченіе и плюшевая пелена, обшитая золотыми гасами, стоим.—100 руб.

5) *Въ лагерную церковь 29-й пѣх. дивизіи:* отъ бывшаго начальника сей дивизіи генераль-лейтенанта А. Г. *Дзичканецъ*—большое Евангеліе въ листъ, серебро-вызолоченное, стоим.—100 р., бывшаго командира 20 армейскаго корпуса, генерала отъ инфантеріи *Каханова*—15 арш. шелковой матеріи, тканой золотомъ, на полное (кромѣ подризника) священническое облаченіе, стоим.—150 руб. и супруги его двѣ бархатныя пелены, шитыя шелкомъ, стоим.—25 руб.

6) *Въ церковь 116-го пѣх. Малоюрославскаго полка:* отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—двѣ иконы Преподобнаго Серафима Саровскаго, въ деревянныхъ съ позолотою кіотахъ, стоим.—30 руб.

7) *Въ церковь 207-го пѣх. Кишиневскаго полка:* отъ г. Варвары Афанасьевны *Брозе*—Евангеліе въ листъ, въ серебр. доскахъ, съ эмалевыми украшеніями, три осьмиконечныхъ серебр. 84 пробы вызолоченныхъ креста, чаша серебро-позлащенная съ эмалевыми украшеніями, дискось, звѣздца, лжица, ковшъ и кошіе, серебро-позлащенные, 84 пр., дарохранильница въ видѣ часовни и къ ней футляръ изъ цѣлаго стекла, кадилъ серебр. 84 пр., трикирій металлическій, облаченіе на престолъ и жертвенникъ золотой парчи, три воздуха на священные сосуды, жертвенникъ съ живописною иконою «Моленіе о Чашѣ» съ балдахиномъ, запрестольный образъ Спасителя и къ нему серебряно-вызолоченная лампада, запрестольный металлическій вызолоченный семисвѣчникъ, два подсвѣчника на престолъ, завѣса къ царскимъ вратамъ, два малыхъ образа для царскихъ вратъ въ серебро-вызолоченныхъ ризахъ съ эмалевыми украшеніями (Спасителя и Богоматери), два большихъ металлическихъ подсвѣчника, образъ преподобнаго Серафима Саровскаго въ кіотѣ и къ нему серебряная 84 пр. вызолоченная лампада, четыре металлическихъ посеребрянныхъ поставника съ мраморными крышками и вставными металлическими посеребрянными свѣчами, поставникъ выносной, металлическій, посеребрянный, съ металлической свѣчей и металлическій высеребрянный подсвѣчникъ въ формѣ колонны отрече-нія», стоим. все до 2000 рублей.

3) *Въ церковь л.-гв. Драгунскаго полка:* отъ командира полка, Его Высочества, герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго храмовая икона свв. мучениковъ Хрисанѳа и Даріи съ кіотомъ для нея, стоим. 300 р. и цѣнный коверъ къ престолу, супруги командира полка, ея сіятельства графини Наталіи Ѳеодоровны *Карловой*—запрестольная икона на стеклѣ «Воскресеніе Христово», стоим.—1000 р. и два шкафа для ризницы

и бібліотеки, стоим.—110 р., гг. офицеровъ полка на украшеніе новой церкви деньгами 1000 р., церковнаго старосты, Павловскаго купца З. Н. *Левина*—мраморная одежда на престолъ и жертвенникъ, стоим.—500 р., подсвѣчникъ въ 20 р., штабсъ-ротмистра полка *Генрицы*—Крестъ, Голгофа и подсвѣчникъ къ нему, стоим.—150 р., нижнихъ чиновъ полка гробница къ плащаницѣ, стоим.—300 р., инженернаго капитана *Никифорова*—дубовая кружка съ надписью «на украшеніе храма», стоим.—85 р., жителей г. Петергофа и гг. офицеровъ, раньше служившихъ въ полку, деньгами на украшеніе храма—1000 р., нижнихъ 5-го эскадрона полка—икона Св. Пророка Іліи, стоим.—10 р. и брестыянки-дѣвицы М. *Струковой*—воздухи, стоим.—8 рублей.

9) *Въ церковь 40-го драг. Малороссійскаго полка:* отъ бывшаго командира полка генерала *Назарова*—сребро-вызолоченный на престольный крестъ и 14 писанныхъ на металлѣ (изд. Жако) иконъ дванадцатыхъ праздниковъ и св. храма, стоим.—80 р., командира полка подполковника *Крузенштерна*—образъ «Моленіе о Чашѣ», писанный на стеклѣ, стоим.—150 р., ротмистра полка *Бородкина*—образъ Св. Сергія Радонежскаго въ рамѣ, стоим.—110 р., начальника Сташевской почтово-телеграфной конторы г. *Борисова*—образъ Св. Серафима Саровскаго Чудотворца въ рамѣ, стоим.—110 р., московскаго купца *Дворникова*—4 металлическихъ посеребренныхъ подсвѣчника, одежды на престолъ и жертвенникъ и воздухи, всего на сумму—150 р., ветеринарнаго врача полка г. *Андреева*—3 иконы на цинкѣ по золотому фону, стоим.—65 р., г. *Троцкой*—бархатные воздухи, стоим.—15 р. и г. *Лохвицкой*—изъ бѣлаго муаре покровъ на столикъ, стоим.—10 рублей.

10) *Въ церковь Стрѣтенскаго рез. баталіона:* отъ подполковника Стрѣтенской конвойной команды В. Х. *Лебедева*—облаченіе на престолъ, жертвенникъ и два аналогія, изъ голубой бархатной парчи, стоим.—150 р., икона преподобнаго Серафима Саровскаго съ серебряннымъ вѣнцомъ и лампадкою о 3-хъ стаканчикахъ, стоим.—120 р. и деньгами 75 р. на заведеніе кіота для сей иконы.

11) *Въ церковь 3-й Туркестанской стрѣлк. бригады:* отъ мѣщанки г. Оша В. *Трошкиной*—шелковые покровы на престолъ и аналой, стоим.—10 р., жены хорунжаго 1-го Семирѣченскаго казачьяго полка А. *Ярковой*—одежды на престолъ и жертвенникъ цвѣтнаго атласа, стоим.—50 р., Н. Маргеланскаго мѣщанина А. *Андріанова*—икона Казанской Божіей

Матери въ кіотѣ, $3\frac{1}{2}$ арш. высоты и 2 арш. шир., стоим.—120 р., запасныхъ нижнихъ чиновъ 9-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона (православныхъ, армянъ и католиковъ) хоругви краснаго сукна, на престольный серебряный крестъ, иконы Спасителя и Божіей Матери, наклеенныя на холстъ (10×16 верш.), всего на сумму 45 рублей.

12) *Въ церковь 6-го лейбъ-драг. Павлоградскаго Императора Александра III-го полка:* отъ командующаго полкомъ генераль-маіора Л. В. Де-Виттъ—бронзовыя вызолоченныя хоругви, стоим.—160 р., вдовы воинскаго начальника Фотины Шишковой—икона Св. Θεодора Стратилата. въ серебряно-злащенной ризѣ и рѣзномъ дубовомъ кіотѣ, стоим.—125 р. и отъ неизвѣстнаго лица футляръ орѣховаго дерева съ стекломъ на дарохрани-тельную, стоим.—21 руб..

13) *Въ церковь 38-го драг. Владимірскаго полка:* отъ командира полка, полковника В. В. Мейнарда шелковыя форменной матеріи, затканной золотыми крестами, риза съ золотымъ глазетовымъ оплечьемъ, епиграхиль, поясъ, поручи, набедренникъ, одежды на Св. Престолъ и жертвенникъ, на четыре аналогія, на два столика, одна перекидная пелена на аналогіи, около престола, пелены на аналогіи и столики и бѣлой матеріи подризникъ, все стоим.—въ 580 рублей.

14) *Въ церковь 5-го пѣх. Калужскаго полка:* отъ старосты церкви, Смоленскаго купца Константина Пастухова—два подсвѣчника бронзо-золоченныхъ съ мраморными досками и эмалевыми украшеніями, стоим.—350 р., четыре металлическихъ свѣчи, стоим.—60 р., одежды на престолъ и жертвенникъ изъ бархатной парчи, стоим.—150 р., священническое облаченіе изъ серебряной парчи, стоим.—150 р., шелковый подризникъ, шитый серебромъ, стоим.—45 р. и воздухи изъ серебряной парчи, стоим.—35 рублей.

15) *Въ церковь 7-го пѣх. Ревельскаго полка:* отъ капитана сего полка Т. Свѣшнікова—священническое облаченіе изъ парчи и бархатныя воздухи, стоим.—105 р., штабсъ-капитана того же полка Колубовскаго—аналойная икона преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца въ багетной рамкѣ, стоим.—12 р., нижнихъ чиновъ полка иконы Св. Пророка Іліи и Св. Великомученика Димитрія Солунскаго, стоим.—20 р., отъ неизвѣстной двѣ серебряно вызолоченныя тарелочки и два струцца, стоим.—35 р. и 12 р. деньгами и отъ оберъ-кондуктора Привислянскихъ жел. дорогъ Ильи Сильницкаго—двѣ лампадки къ иконамъ, стоим.—12 рублей.

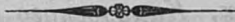
16) *Въ Ташкентскій военный соборъ*: отъ ктитора собора, статскаго совѣтника И. Шнейвасъ—покровъ для покойниковъ изъ серебряной парчи, золотистаго цвѣта, стоим. до 150 рублей.

17) *Въ церковь л.-гв. Волынскаго полка*: отъ чиновъ сего полка серебряная позлащенная съ эмалевыми украшеніями риза къ образу Св. Николая Чудотворца, стоим.—400 рублей.

18) *Въ церковь 169-го пѣх. Ново-трокскаго полка*: отъ командира сего полка полковника Тульничеева — большое напестольное Евангеліе, футляръ къ нему дубоваго дерева, стоим.—350 рублей.

19) *Въ церковь 223-го пѣх. Коротоякскаго полка*: отъ купеческой дочери Елизаветы Прилѣпиной — икона Пресвятой Богородицы «Всѣхъ скорбящихъ радости», въ серебро-позлощенной ризѣ, стоим.—150 р., священническое и діаконское облаченія изъ шелковой матеріи, стоим.—125 р. и деньгами 500 р. и отъ неизвѣстныхъ лицъ богослужебныхъ книгъ на 11 рублей.

20) *Въ церковь 19-го пѣх. Костромскаго полка*: отъ чиновъ сего полка три полныя священническія облаченія, двѣ металлическія хоругви и три праздничныя иконы всего на сумму около 300 рублей.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Поученіе во время говѣнія.

(О примиреніи съ ближними).

Великій постъ назначается намъ, христіанскіе воины, для важнаго и святаго дѣла,—для исполненія христіанскаго долга исповѣди и Св. Причастія.

Первое, о чемъ намъ нужно позаботиться, начиная свое говѣніе, есть примиреніе со всѣми своими ближними. Господь Спаситель нашъ во св. евангеліи учитъ насъ: *«когда ты принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя; оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди и принеси даръ твой (Мѡ. 5, 23—24).* И мы съ вами предполагаемъ теперь принести Богу

даръ и даръ самый лучшій — покаяніе. Поэтому и намъ необходимо привести на память, не имѣеть-ли кто изъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ гнѣва или злобы на насъ, и примириться съ ними, отъ всего сердца простить ихъ. Богъ не приметъ этого дара нашего, нашего поста, молитвъ и покаянія, если мы не примиримся со всѣми и не выбросимъ вонъ изъ своего сердца всякій гнѣвъ и злобу. Напрасны будутъ подвиги наши, безъ пользы останутся наши поклоны, молитвы и постъ. Безъ примиренія съ ближними не проститъ намъ Богъ грѣховъ нашихъ и не приметъ молитвъ нашихъ. *Если вы, учить Господь, будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ отецъ вашъ небесный. А если не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* (Мѡ. 6, 14—15).

Св. апостоль Павелъ къ этому Божественному ученію прибавляетъ слѣдующее: онъ велитъ намъ примиряться съ ближними, какъ можно, скорѣе— до захода солнца, чтобъ во гнѣвѣ и ссорѣ не отходить ко сну — *солнце*, говоритъ онъ, *да не зайдетъ во гнѣвъ вашимъ* (Еф. 4, 26). Такъ поступать и вести себя мы должны всегда, а тѣмъ болѣе въ настоящіе великіе и святые дни говѣнія нашего.

Для полнаго убѣжденія въ необходимости примиренія съ ближними, я напому объ одномъ обстоятельстве изъ жизни препод. Тита Печерскаго, которое показываетъ, какъ Богу пріятно наше примиреніе съ ближними и какъ опасно и губительно нежеланіе примиренія.

Въ Кіево-Печерской лаврѣ были два монаха—добрые друзья: священникъ Титъ и діаконъ Евагрій; но врагъ всего добраго—дьяволъ ухитрился посѣять между ними вражду и бывшіе друзья стали такими врагами, что и видѣть другъ друга не могли. Постигла Тита болѣзнь, которая день ото дня усиливалась и грозила смертію. Больной вспомнилъ о своемъ врагѣ и пожелалъ попросить у него прощенія; но Евагрій и слышать не хотѣлъ о примиреніи и къ умирающему не шелъ. Братія насильно привела его въ комнату больнаго. Пслѣдній собираетъ всѣ свои силы, встаетъ съ постели, падаетъ къ ногамъ врага своего и проситъ у него прощенія во имя Христова. Сердце Евагрія какъ бы окаменѣло и онъ не только не простилъ умирающаго, но поклялся еще вѣчною къ нему враждою—и въ тоже мгновеніе упалъ бездыханнымъ. Его поразилъ ангель, а больному тотъ-же ангель далъ руку и онъ сталъ совершенно здоровъ (Ч. Мин. февр. 27 д.).

Такъ Богъ благословляетъ примиряющихся и караетъ злопамятныхъ.

Будемъ, христоролюбивые воины, помнить слова Господа и апостола о необходимости примиренія. Не забудемъ и примѣра изъ жизни преп. Тита, и послѣвшимъ по выходѣ же изъ храма примириться со всѣми. Постараемся простить всѣхъ и cadaго, кто насъ обидѣлъ, осмѣялъ, оскорбилъ, досадилъ и т. п. Дадимъ другъ другу цѣлованіе мира, цѣлованіе искреннее и братское. Этимъ мы положимъ начало благое доброму дѣлу, которое намъ рены совершить въ настоящіе дни.

Простите, воины Христоролюбивые, если что имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши. (Мрк. 11, 25). Аминь!

203-го пѣх. Грайворонскаго полка свящ. Вяч. **Магнитскій.**

Война и «толстовство».

Война представляетъ собою въ жизни народа эпоху особаго величія и подъема національнаго духа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и время отдѣльныхъ проявленій малодушія, скептицизма, усиленнаго броженія умовъ, которымъ стараются воспользоваться въ собственныхъ цѣляхъ какъ внѣшніе, такъ и внутренніе враги государства.

Таковы наблюдаемыя явленія общаго характера.

Къ частностямъ психической окраски нашей текущей войны съ Японіей слѣдуетъ причислить то обстоятельство, что въ русскомъ обществѣ, — въ его такъ-называемыхъ «интеллигентныхъ» слояхъ, — политическое броженіе, весьма вреднаго для военныхъ цѣлей характера, предварило войну, выразившись особенно ярко въ формѣ всѣмъ извѣстной антихристіанской, противогосударственной проповѣди «непротивленія злу», еще за цѣлые годы до наступившей нынѣ вооруженной борьбы Россіи съ языческою Японіей.

Какого рода практическія цѣли преслѣдовалъ, прямо или косвенно, толстоизмъ, какъ сектантское-политическое лжеученіе, во внутренней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ международной жизни Россіи?

При всемъ разнообразіи формъ, средствъ и проявленій, — теорія «непротивленія», какъ система политическая, претендовавшая внести новый складъ понятій не во внутренній духовный міръ человѣка, а во взаимоотношенія гражданъ и даже народовъ между собою, — эта теорія «непротивленія» сво-

дидась, въ сущности, на практикѣ, ко всестороннему, — фактическому и моральному, — «разруженію» Русскаго народа предъ его отлично *вооруженными* виѣшними врагами, подъ звонъ высокопарныхъ фразъ о «новооткрытомъ», якобы, «христіанствѣ», воспрещающемъ де національную вооруженную самозащиту.

Такимъ образомъ упразднился самъ собою вѣковой національный идеаль Русскаго народа, — идеаль христіанскаго война-подвижника, «полагающаго душу свою за други своя» — и, взамѣнъ, нарождался, въ фокусѣ Ясно-Полянскихъ утопическихъ представлений, типъ народа, живущаго только «утробой» и ради «утробы», виѣ какихъ-либо идеальныхъ гражданскихъ, государственныхъ и національныхъ задачъ и стремлений, типъ народа, переставшаго быть націей. Подъ покровомъ «непротивленія злу», толстовство, какъ ученіе, вырабатывало, въ сущности, смертный приговоръ національному и государственному бытію Россіи.

Опасность, въ данномъ случаѣ, могла грозить именно *Русскому* народу, а не его конкурентамъ на Западѣ, такъ какъ погруженные въ матеріализмъ западные народы становятся все менѣе доступными воздѣйствію вопросовъ, отмѣченныхъ, хотя бы только наружно, религіознымъ характеромъ. Жаждою Божественнаго томится только русская душа. Русскій народъ алчетъ подвига, самоотреченія, стремится во слѣдъ Христа, доступными его представленію путями. И хотя само по себѣ лжеученіе графа Толстого приковано всецѣло къ землѣ, являясь чистѣйшимъ, заправскимъ социализмомъ и анархизмомъ, — опасность яснополянскихъ доктринъ была чрезвычайно велика для Русскаго полуобразованнаго общества, не говоря уже о народныхъ массахъ. Какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, шель яснополянскій софистъ къ русскому народу, прикрываясь, искаженнымъ имъ, Евангельскимъ словомъ. Лжеповѣдь угрожала не только народной вѣрѣ, — не только влекла православный народъ къ гибели, въ смыслѣ религіозномъ, но она готовила также и разложеніе государственнаго и общественнаго строя Россіи.

Толстовство было постольку же во всѣхъ отношеніяхъ гибельно и вредно для Россіи, какъ государства, и для Русскаго народа, какъ націи, поскольку благодатное ученіе святой Христовой православной Церкви было и есть для нихъ спасительно. Та дивная гармонія, которая для православнаго христіанина объединяетъ въ единствѣ нравственнаго подвига служеніе временному земному Отечеству, какъ путь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для достиженія вѣчнаго «Отечества» небеснаго, не могла, разумѣется, существовать, или суще-

ствовала совершенно навыворотъ, для толстовца. Сектантъ-толстовецъ неминуемо, по самой логикѣ вещей, становится социалистомъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, противникомъ идеи гражданского и государственнаго правопорядка.

Лучшимъ примѣромъ этому служатъ духоборы, доводящіе свой религиозный принципъ «непротивленія злу» до огульнаго «противленія» — теоретически, а иной разъ и фактически—всѣмъ формамъ гражданского и государственнаго уклада, признаннаго христіанскимъ цивилизованнымъ бытомъ.

По существу, «толстовское» міровоззрѣніе,—если-бы, чего Боже упаси, оно привилось въ былые дни къ народу,—представляло бы нынѣ для Россіи во сто кратъ большую опасность. чѣмъ любая враждебная вооруженная коалиція,—большую опасность потому, что толстовская «переоцѣнка цѣнностей» христіанской морали вырываетъ изъ рукъ народа всѣ средства національной самообороны, начиная съ нравственнаго сознанія долга защищать родину съ оружіемъ въ рукахъ. Въ когтяхъ толстовскаго «непротивленія» народъ, какъ нація, превращается въ разлагающійся трупъ, представляетъ легкую добычу любого международнаго хищника,—начиная хотя бы съ язычниковъ японцевъ.

Мертвящее вліяніе «толстовскаго толка» не ограничивалось у насъ, какъ извѣстно, сферой религиозною и политическою.

Зараза вліяла, косвенно, и на бытъ русской школы. Всѣмъ памятно еще это куріозное, недалекое отъ насъ по времени, движеніе, когда «недѣланіе», съ легкой руки газетной либеральной агитаціи, возводилось чуть не въ основной принципъ школьнаго обученія и образованія, а «непротивленіе» своеволю и нравственной распущенности учащихся вмѣнялось почти въ обязанность воспитателямъ и педагогамъ!.. «Разоруженіе» Русскаго народа начинало захватывать такимъ образомъ, — и все подъ щитомъ «непротивленія злу»—завѣтныя для народа сферы мысли и знанія. Народъ обрекался на обнищаніе умственное и нравственное, тягчайшее изъ всѣхъ, и это, не забудемъ, въ то самое время, когда притаившаяся, ковавшая уже противъ насъ козни, Японія жадно хваталась за ученіе и науку, задавшись страстнымъ желаніемъ *не* оставаться въ невѣжественномъ состояніи,—*вернуться* къ которому приглашало насъ толстовство, — а напротивъ догнать въ знаніи и техникѣ культурнѣйшія страны Европы.

Оглянувшись назадъ и взвѣсивъ значеніе былого, нельзя не сознаться, что наиболѣе «ходкія» у насъ теченія общественной мысли, въ преддверіи войны съ Японіей, представляли не особенно благоприятный для насъ фонъ событій, уже назрѣвавшихъ въ тайникахъ политическихъ сферъ Дальняго

Востока... Правда, въ тѣ дни никто, или почти никто, не помышлялъ о возможности разразившейся нынѣ войны. Повинуясь «модному» теченію, наша «интеллигенція» всецѣло находилась подъ обаяніемъ Максима Горькаго и его «босяковъ», бросавшихъ вызовъ существующему общественному и государственному строю. Либералы наши млѣли предъ клеветническими выходками толстовства противъ Россіи, православной церкви и начала государственной власти, церковью благословляемаго. О японцахъ и ихъ дѣйствительномъ политическомъ значеніи, повторяемъ, мало кто думалъ не только у насъ, но и на западѣ. Лишь чуткій къ вопросамъ искусства, какъ и политики, императоръ Вильгельмъ запечатлѣвалъ въ художественныхъ образахъ грозившую съ языческаго Востока опасность, да высокодаровитый русскій философъ-публицистъ Вл. Соловьевъ, разбивъ въ прахъ, въ своихъ безсмертныхъ «Трехъ разговорахъ», жалкіе потуги дилеттантскаго философствованія графа Толстого, отводилъ его лжеученію, какъ идеѣ, должное мѣсто среди противныхъ христіанству преступныхъ заблужденій, ожидающихъ человѣчество на историческомъ пути пробужденія языческаго Востока, какъ одной изъ стадій исторіи въ ея заключительныхъ выводахъ предъ кончиной міра.

Вынужденные вступить на вооруженную борьбу съ представительницей язычества, Японіей, дерзко мечтающею нынѣ о «желтой» міровой гегемоніи, Русскій народъ и доблестная русская армія доказали рядомъ безсмертныхъ подвиговъ, что духъ христіанской воинской доблести составляетъ и нынѣ, какъ и всегда въ глубинѣ вѣковъ, духовную красу Россіи. Дѣйствительно, *не* дряблымъ, позорнымъ, пассивнымъ «непротивленіемъ», любезнымъ графу Толстому,—а безстрашною, поистинѣ сверхчеловѣческою борьбой *одного* противъ *многихъ* встрѣтила Россія и русская армія нежданнаго врага! Великіе переживаемые дни несутъ съ собою прозрѣніе и по многимъ вопросамъ внутренней русской жизни, сметая, будетъ надѣяться, на всегда навожденіе сумасбродной «толстовщины» со стезей русскаго народа ¹⁾.

Н. А. Знаменскій.

1) Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, отъ 3-го октября, 1904 года № 40.

По поводу переживаемыхъ событій военнаго времени.

Русскій героизмъ и пастырь на войнѣ.

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ Руков. для сельскихъ пастырей статья небезызвѣстнаго астраханца Н. Н. Пальмова, преподавателя Кіевской дух. семинаріи, въ которой сердечно и картинно изображены «Русскій героизмъ» и «Пастырь на войнѣ». Для пастырей церкви Христовой статья эта особенно имѣетъ интересъ, такъ какъ авторъ русскій героизмъ признаетъ порожденіемъ русскаго пастырства, съумѣвшаго и въ себѣ сохранить и въ своей паствѣ возгрѣть и удержать патріотическія чувства. Считаемо нужнымъ перепечатать эту статью достопочтеннаго автора въ сокращеніи и съ нѣкоторыми измѣненіями.

Чье пастырское сердце радостно не дрогнуло и не отозвалось горячимъ сочувствіемъ къ герою священнику Щербаковскому ¹⁾. Въдъ этотъ герой пастырь, родной намъ, собратъ нашъ по духу и плоти, онъ—въ полномъ смыслѣ плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ.

Радуетъ сердце православнаго русскаго пастыря, видя въ подвигѣ о. С. Щербаковскаго воплощеніе того исконнаго духа русскаго *благочестія*, которое цѣлью жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и всѣхъ вмѣстѣ русскихъ людей полагаетъ девизъ *пожертвованія* собою «за вѣру, царя и отечество». Больше нѣтъ той любви,—твердо всегда помнить русскій человѣкъ, — какъ если положить душу свою за самое дорогое, что у насъ есть: за *вѣру* православную христіанскую, за *Царя* Русскаго—отца земли нашей, поильца и кормильца нашего и перваго и самаго неутомимаго труженника на общее благо, и за всю землю, за *отечество* наше русское. Трогательныя молитвы, сопровождаемыя умиленнымъ пѣніемъ, въ благоуханномъ куреніи еиміана, возносятся Церковію за православныхъ воиновъ, животь свой на полѣ брани положившихъ. Но не за однихъ только усопшихъ героевъ молится Церковь; она предстательствуетъ и за живыхъ носителей идеи самопожертвованія, испрашивая у Господа укрѣпленіе мужествомъ и силою военачальниковъ и христіолюбивое воинство во главѣ съ Государемъ Императоромъ, верховнымъ его вождемъ. Невольно поднимается у каждаго духъ, когда въ церкви слышатся торжественныя многолѣтствованія Государю и Его побѣдоносному христіолюбивому воинству.

¹⁾ См. А. Еп. Вѣд. 1904. № 10, или статью о другомъ героѣ-священникѣ изъ Астраханца—№ 15.

Внушая идею самопожертвованія своимъ чадамъ, Православная Русская Церковь являетъ наглядный примѣръ того, какъ надо полагать душу свою за вѣру, царя и отечество въ лицѣ пастырей-учителей самопожертвованія. Подвигъ о. С. Щербаковскаго въ военныхъ лѣтописяхъ далеко не единственный. Геройскими подвигами пастырей блещутъ, можно сказать, страницы исторіи всѣхъ русскихъ войнъ. Не мало священническихъ именъ сохранила благодарная о нихъ память потомства²⁾, но еще больше покрыто ихъ забвеніемъ, какъ скоро забываются и безчисленные имена героев—рядовыхъ воиновъ, скромныхъ и непритязательныхъ на «мірскую славу». Да и не возможно ихъ запомнить. Въ строю русскихъ войскъ, говорятъ, что ни солдатъ, то герой. То же и въ ряду военного духовенства. Какъ запомнить подвиги всѣхъ воиновъ? Какъ сохранить память о всѣхъ пастырскихъ подвигахъ на войнѣ? Духомъ высокаго героизма проникнуто — вѣримъ — все православное русское пастырство, и вотъ почему оно такимъ горячимъ сочувствіемъ отзывается на подвигъ о. С. Щербаковскаго и гордится имъ. Подвигъ этого военного русскаго священника указалъ и обнаружилъ всему міру, чѣмъ въ глубинѣ своего духа живетъ наше бѣдное, скромное и часто обездоленное духовенство, чѣмъ, среди всѣхъ житейскихъ невзгодъ, питается его духъ, и какія сокровища возвращаетъ оно въ себѣ и хранитъ въ «святая святыхъ» сердца. Скромненькій русскій пастырь, но онъ—вѣрный носитель христіанскаго идеала и неуклонный хранитель основныхъ началъ русской церковно-государственной жизни. Тяжело ему бываетъ носить святыя идеалы, живя въ бѣдности, въ лишеніи, отказывая себѣ подчасъ чуть не въ насущномъ кускѣ хлѣба. Въ трудныхъ условіяхъ приходится ему жить и собирать, въ буквальномъ смыслѣ, по *копѣйкамъ* обезпеченіе себѣ и семьѣ, въ которой, смотришь, вотъ уже подросли дѣти—нужно ихъ обучать и воспитывать, а тамъ и пристраивать въ жизни. Кажется, всѣ внѣшнія условія должны бы располагать пастырей къ духовному огрубѣнію, потерѣ идеала, къ устремленію помысловъ на мелкія стяжанія. Но нѣтъ,—жизнь часто ломаетъ, но не калѣчитъ бѣдныхъ труженниковъ; богатство духа остается у нихъ цѣлымъ до конца дней. Идеи духа занимаютъ въ его сердцѣ такое недосыгаемо-высокое положеніе, окружены такимъ священнымъ сіяніемъ, имъ такъ искренно поклоняется и такъ ихъ любовно чтитъ священникъ, что самую мысль о забвеніи или потери святыни духа, въ погонѣ

²⁾ См. напр. статью въ Вѣстн. Воен. Дух. за 1904 г. «Записка о военныхъ пастыряхъ, участвовавшихъ въ Крымскую войну и удостоенныхъ особыхъ знаковъ отличія».

за земными благами, онъ почелъ бы странною и нечестивою: «Слава Богу за все» заканчиваетъ обычно русскій пастырь свои невеселыя думы о настоящемъ кускъ хлѣба и затѣмъ такъ же бодро принимается завтра за трудъ, какъ усердно трудился вчера, третьяго дня. Трудится, бьется въ жизни до глубокой старости, несетъ трудовую ношу до гробовой доски,—но не падаетъ духомъ, не теряетъ вѣры въ проповѣдуемыя имъ основы жизни и не разстается съ своей вѣрой никогда. Вѣра остается въ сердцѣ смиреннаго русскаго священника навсегда самымъ драгоценнымъ сокровищемъ. Онъ заботливо оберегаетъ, возвращаетъ и созидаетъ ее, твердо памятуя, что это достояніе, этотъ «талантъ» онъ долженъ будетъ представить на судъ вѣчному Судіи и отъ вѣры и дѣлъ своихъ долженъ будетъ Или или осудитися, или оправдитися. Сходя въ могилу, добръ потрудившійся на своемъ длинномъ вѣку старецъ Божій даритъ, «на вѣчную память», и своимъ дѣтямъ и внукамъ то духовное сокровище, которое сберегалъ въ себя всю жизнь. Такъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ наслѣдіе христіанскаго православно-русскаго духа въ средѣ нашего духовенства, раждая героевъ въ немъ самомъ и, подъ воздѣйствіемъ духовенства, во всемъ русскомъ народѣ.

Въ исторіи культурнаго развитія русскаго народа, особенно же въ дѣлѣ созиданія его нравственнаго облика, безспорно, не было сильнѣе и дѣйственнѣе вліянія, какъ вліяніе религіи и духовенства. Воспринявшій христіанство въ самомъ началѣ исторической жизни, можно сказать—рожденный, а затѣмъ воспитываемый въ христіанствѣ, русскій народъ есть самый религіозный народъ въ мірѣ. Въ христіанскую эру исторіи человѣчества еще не было народа, жизнь котораго такъ широко и глубоко захватывалась бы *впрою*. Русская набожность, проникающая собою всѣ формы жизни и сообщающая своеобразный, безпримѣрный характеръ міросозерцанію русскаго народа, давно уже обращаетъ на себя вниманіе и иноземныхъ высоко-культурныхъ, но, въ тоже время, маловѣрующихъ націй. Ему пророчатъ особенную будущность, отъ него *языки мира* ожидаютъ новаго слова жизни, въ немъ лучшіе русскіе мыслители чаютъ созданія вожделѣннаго царства Христова на землѣ въ союзѣ правды и любви всѣхъ людей подъ единоподданіемъ Христа. Но *кто* же создалъ русскій народъ таковымъ? кто научилъ его христіанской вѣрѣ и непрестанно, безбоязненно внушалъ тѣ мощныя устои жизни, которыхъ ни за что и никому не расшатать въ русскомъ народѣ?

Русскій православно-христіанскій духъ созданъ русскими пастырями. Они вдохнули въ народъ то, чѣмъ сами всегда дышали, — вѣру христіанскую и, вмѣстѣ съ нею, трогательную любовь къ царю и беззавѣтную преданность родной землѣ. Оттого вѣрою крѣпокъ русскій народъ, и не падаетъ онъ духомъ въ тяжкія години различныхъ бѣдствій, или, какъ онъ ихъ называетъ, «испытаній Божіихъ»; оттого не сокрушаютъ его нравственной и даже физической мощи постоянная нужда, частыя голодовки, недоѣданье, ставшее теперь, кажется, зауряднымъ уже явленіемъ, и вся эта поистинѣ несчастная внѣшняя обстановка, въ которой проводитъ жизнь большая часть русскаго народа; оттого среди бѣдствій и лишеній сохраняется въ русскомъ человѣкѣ бодрость духа и непоколебимая вѣра въ лучшее когда-нибудь будущее. Съ глубокою сердечною вѣрою въ Страстотерпца — Христа и въ «единое на потребу» спасеніе, открытое міру Христомъ, живетъ русскій народъ, имѣя въ лицѣ пастыря-учителя жизни постоянный примѣръ неослабной духовной бодрости. Тяжелъ трудъ крестьянина, тяжела и *поденная работа* священника. Мало вознаграждаетъ трудъ и того и другого, но ни въ томъ, ни въ другомъ жизненная борьба не въ силахъ угасить главнѣйшаго — *духа*.

Рука объ руку начинаютъ жить они оба — сельскій пастырь и простой поселянинъ; рука объ руку проходятъ они свое жизненное *теченіе* на землѣ и не разлучаются до самой гробовой доски. Приходитъ смерть, грозная и страшная; заноситъ она безжалостно свою косу надъ головою обреченнаго. Жутко человѣку смотрѣть въ лицо смерти .. Но ни жалобы, ни воздыханія, ни тѣмъ болѣе просятія вы не услышите изъ устъ умирающаго русскаго человѣка. Умираетъ онъ, «точно обрядъ совершаетъ»: сосредоточенно, спокойно съ молитвой, съ благословеніемъ священника и окружающихъ его смертный одръ. Ни одинъ, говорятъ, въ мірѣ человѣкъ не умѣетъ такъ поразительно спокойно умирать, какъ русскій. Недаромъ онъ всю жизнь молится о дарованіи ему *христіанской* кончины — безболѣзненной, непостыдной и мирной. Чудные образы *русской* — непостыдной и мирной — кончины нарисованы у нашихъ писателей и составляютъ лучшія страницы ихъ художественныхъ произведеній, на которыхъ останавливаешься всякій разъ съ новымъ и новымъ раздумьемъ и наслажденьемъ... Умирающій проникается весь *вѣрою*. Какъ дымкою, окутывается онъ благодатно-таинственною атмосферою, создаваемой около него священникомъ... Предъ лицемъ смерти въ послѣдній разъ на землѣ встрѣчаются учитель жизни — пастырь

съ ученикомъ. Какъ будто провѣряетъ пастырь здѣсь, у смертнаго одра, насколько хорошо усвоилъ себѣ за истекшую жизнь христіанскую вѣру его духовный сынъ, отчетливо ли понялъ онъ небесный идеалъ вѣры, научился ли все земное считать суетою и тлѣномъ ради царствія Христова, возлюбилъ ли небесное отечество паче всего въ жизни, готовился ли къ нему..

Кто же учить русскаго человѣка *умирать* по христіански? — Учить его этому тотъ же пастырь, который училъ его и *жить* по христіански.

Не такъ бросается въ глаза смерть среди житейской обычной обстановки, когда она является вполнѣ естественною и неизбѣжною, особенно же когда уноситъ съ собою людей, уже кончившихъ полный, такъ сказать, кругъ земного бытія. Но вотъ наступаютъ дни войны, — и обычный порядокъ измѣняется. Смерть уноситъ теперь не единицы, не десятки жертвъ въ одномъ мѣстѣ, а сотни и тысячи. Все это — жизни молодя, едва начавшія раскрываться. Казалось бы, этимъ людямъ только бы жить, только бы наслаждаться жизнію... При обычномъ порядкѣ вещей, человѣкъ готовится къ смерти въ теченіе долгихъ лѣтъ и за это время успѣетъ надлежащимъ образомъ сосредоточить на ней свои помыслы; но на войнѣ черезъ часъ, черезъ минуту, даже не вздохнувъ можно отойти, откуда уже нѣтъ возврата, и гдѣ уже нѣтъ покаянія. Внезапная («напрасная») смерть не способна ли навести ужасъ на самую чистую и свободную отъ тяжелыхъ укоровъ совѣсти душу?.. Не передать словами ужаса смерти, носящейся по полю брани! «Какъ предстану на судъ безсмертному Царю, и что отвѣчу Ему?» — этотъ вопросъ никогда съ такою силою и такъ грозно не представляется человѣку, какъ на войнѣ. Какъ бы ни былъ кто твердъ духомъ, но не можетъ онъ относиться къ ужасному призраку смерти, витающему надъ головой положительно на каждомъ шагу. Слишкомъ великъ ужасъ этого призрака, чтобы можно было спокойно чувствовать себя!

Но не падаетъ и на войнѣ духъ русскаго воина.

Среди всѣхъ ужасовъ кровопролитнѣйшихъ сраженій его не оставляетъ чудодѣйственная, бодрящая *вра*, какъ не покидаетъ его и учитель вѣры — пастырь, остающійся и здѣсь неизмѣннымъ вѣрнымъ его другомъ. Прочность ихъ союза никогда съ такою наглядностью не обнаруживается, какъ на бранномъ полѣ, среди грохота орудій, свиста и треска снарядовъ, среди стоновъ раненыхъ и умирающихъ. *Кто поднимаетъ упавшій духъ воина? — Священникъ. Кто св. крестомъ изгоняетъ страхъ изъ сердца*

солдата и вливаетъ какъ бы новую въ него силу?—Священникъ. Кто, наконецъ, успокоиваетъ взволнованную душу смертельно раненаго, кто облегчаетъ ему переходъ въ загробную жизнь, кто благодатнымъ таинствомъ услаждаетъ и дѣлаетъ блаженными его послѣдніе минуты?—Все тотъ же священникъ ¹⁾.

Полковой праздникъ въ Маньчжуріи.

6-го декабря минувшаго 1904 года, было торжественно-радостнымъ и знаменательнымъ днемъ для 22-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Въ этотъ день—полкъ получилъ Всемиловѣйшую телеграмму отъ Государя Императора: «Отъ имени Сына Моего, Крестника Вашего, сердечно поздравляю Воспріемниковъ Его—молодцовъ доблестныхъ стрѣлковъ 22-го полка съ полковымъ праздникомъ и благодарю ихъ за боевую службу. НИКОЛАЙ».

Дорого теплое слово, ободреніе начальника: по нему готовъ нашъ воинъ идти на какую угодно опасность и подвигъ. Чего-же не сдѣлаетъ онъ, услышавъ Царскій привѣтъ и похвалу!

Не пожалѣетъ и не задумается отдать самое дорогое и все, что было бы дороже жизни, дабы не уронить себя въ очахъ обожаемаго Монарха, показать себя достойнымъ Царской похвалы и Высокаго вниманія.

Золотыя слова Государевы, изъ вѣка въ вѣкъ, доколѣ живъ полкъ, будутъ его свѣточемъ, его вторымъ священнымъ знаменемъ. Готовъ онъ запечатлѣть ихъ кровью на страницахъ полковой исторіи, принести все—боевой опытъ, всѣ свои силы, жизнь, и сложить къ подножію Царскаго Трона. Все беззавѣтно отдадутъ стрѣлки и за Наслѣдника этого трона—своего дорогого Царственнаго Крестника, при одной мысли о которомъ гордостью и воодушевленіемъ загораются сердца и въ то-же время тепло и отрадно становится на суровой, давно не видѣвшей привѣта, душъ боевыхъ воспріемниковъ.

«Надежа Государь Цесаревичъ! Воспріемники Твои—старые сибирскіе стрѣлки 22-го полка, въ день своего полкового праздника громовымъ «ура» покрыли здравицу своего драгоцѣннаго Крестника. Давно испытанными

¹⁾ Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1904 г. №—20.

штыками безтрепетно поддержимъ неизмѣнную нашу духовную связь съ Тобою, заповѣданную на всю жизнь Твоимъ Вѣнценоснымъ Родителемъ», — такъ твердо, въ краткой телеграммѣ, выразилъ общія чувства воспріемниковъ командующій полкомъ. Эта телеграмма—заповѣдь, данная полку въ день полкового праздника.

Самый праздникъ начался по русскому обычаю богослуженіемъ. Русскіе люди вездѣ, и въ далекой Маньчжуріи, вѣрны себѣ—вездѣ русскіе. Передъ молебствіемъ командующій полкомъ обратился къ стрѣлкамъ съ словомъ — съ тѣмъ словомъ, которымъ говорятъ начальники, знающіе душу солдата.

Предъ самымъ молебномъ говорилъ нижепомѣщаемую рѣчь ¹⁾ полковой священникъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, вновь прибывшихъ въ полкъ—на укомплектованіе (свыше 1000 чел.). Горячо молился полкъ, испрашивая у небеснаго покровителя, Святителя и Чудотворца Николая, помощи въ предстоящихъ бояхъ. Какъ одинъ, всѣ стали на колѣни, когда полковой хоръ стройно, съ душою пѣлъ погибшимъ на полѣ брани товарищамъ «вѣчную память».

Послѣ молебствія торжественно прозвучалъ, благоговѣйно выслушанный, гимнъ «Боже, Царя храни».

Когда въ ясномъ, слегка морозномъ, воздухѣ затихли его послѣдніе аккорды, мѣшное «ура» въ честь любимыхъ боевыхъ начальниковъ изъ много тысячныхъ воодушевленныхъ грудей долго гремѣло, отдаваясь раскатистымъ эхомъ среди окружавшихъ сопокъ.

Въ фанзѣ, куда собрались потомъ офицеры и гости (ихъ было немного, да и угощеніе состояло болѣе изъ духовной пищи) были прочитаны телеграммы, посланныя командующимъ полкомъ, и отвѣтныя.

Отъ Его Высокопревосходительства, Главнокомандующаго была получена телеграмма:

«Прошу Васъ поздравить отъ моего имени славный 22-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ съ полковымъ праздникомъ. Крѣпко увѣренъ, что полкъ и въ предстоящихъ бояхъ доблестно послужитъ на славу Царю и Родинѣ. Куропаткинъ».

Его Высокопревосходительству была послана слѣдующая телеграмма: «Весь 22 й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ ратнымъ мужествомъ и беззавѣтною преданностью долгу покажетъ себя достойнымъ Вашего внима-

¹⁾ Рѣчь была отлитографирована въ полковой канцеляріи и роздана нижнимъ чинамъ, какъ поученіе—памятка.

нія и щедрыхъ подарковъ къ дню полкового праздника. Высоко поднимаемъ чарки и пьемъ здоровье крѣпко любимаго Русскаго Главнокомандующаго. Да увѣковѣчится побѣдоносно Ваше славное, дорогое для насъ имя, во главѣ Русскаго воинства на скрижаляхъ міровой исторіи. Громовое несмолкаемое «ура» стрѣлковъ Вамъ — самоотверженному и истинно — вѣрному сычу нашей Великой Матери—Россіи». Здравница эта и «ура» дорогому Вождю были такія восторженныя и грандіозныя, что не поддаются описанію; ихъ смѣнило таковое-же «многолѣтіе», исполненное всѣми.

Какъ видимый знакъ особаго вниманія Главнокомандующаго къ торжественному дню полка, на столахъ видны были подарки, присланные Его Высокопревосходительствомъ къ празднику и для офицеровъ и для нижнихъ чиновъ. Эти дары и составляли почти все праздничное угощеніе.

Были получены двѣ телеграммы отъ Командующаго 1-й Маньчжурской арміей:

«Сердечно поздравляю полкъ съ полковымъ праздникомъ. Убѣжденъ, что въ будущемъ молодецкіе стрѣлки не разъ еще докажутъ доблесть». «Убѣжденъ, что доблестный 22-й стрѣлковый полкъ еще не разъ напомнитъ врагамъ славное дѣло 16-го ноября. Линевиць», — въ отвѣтъ на телеграмму: «Вашего Высокопревосходительство! Стрѣлкамъ 22-го полка назначеніе Ваше Командующимъ первой стрѣлковою арміей принесло особое счастье и удачу, — 16-го ноября, 5-ть ротъ въ составѣ 450 штыковъ, прямо съ похода сбили съ двухъ укрѣпленныхъ позицій 36-й Японскій полкъ, заставили его бѣжать, оставивъ въ нашихъ рукахъ много живыхъ и мертвыхъ трофеевъ и три большихъ зажженныхъ склада припасовъ. Видя въ этомъ побѣдномъ совпаденіи особый перстъ Божій, всѣ стрѣлки 22-го полка въ день полкового праздника пьютъ полною чарою здоровье своего родного, всегда побѣдоноснаго и на Кавказѣ и въ Китаѣ вождя русскаго воинства генерала Линевица». «Ура» и здравица въ честь маститаго командующаго 1-й арміей громко свидѣтельствовали о той любви и вѣрѣ, какія издавна питаютъ Сибирскія войска къ генералу Линевицу.

Телеграмма Командующаго 3-мъ Сибирскимъ Армейскимъ Корпусомъ, генераль-лейтенанта Иванова: «Поздравляю славныхъ молодцовъ стрѣлковъ, Васъ и офицеровъ съ днемъ полкового праздника и желаю дальнѣйшихъ успѣховъ и славы полку» вызвала общій восторгъ, какъ привѣтствіе и пожеланіе начальника, который давно знаетъ полкъ и цѣнитъ его по заслугамъ. Телеграмма Его Превосходительству «въ день полкового праздника

громкое сердечное русское «ура» нашему стрѣлковому командиру. Воинскою отвагою горить весь полкъ и жаждетъ идти впередъ всегда подъ Вашимъ высокимъ руководствомъ» и здравица была покрыта искреннимъ громкимъ «ура».

«Ужасно сожалѣю, что болѣзнь горла помѣшала мнѣ лично прѣхать поздравить съ полковымъ праздникомъ чудный 22-й полкъ и его чуднаго Командира. Громогласно кричу «ура!» Слава Вашей непобѣдимости все увеличивается. Будьте здоровы... родные славные стрѣлки. Даниловъ». Этотъ дружескій, отеческій привѣтъ начальника нашей дивизіи вызвалъ такую бурю восторга, здравиць и многолѣтій, что становилось искренно жаль, что виновникъ не могъ слышать ихъ.

«Намъ всѣмъ праздникъ не въ праздникъ и офицерамъ и солдатамъ безъ Вашего Превосходительства. Но и обездоленный, безъ Васъ, весь 22-й полкъ громогласнымъ «ура» встрѣчаетъ задушевную здравицу за своего крѣпко, по-солдатски, любимаго Начальника дивизіи» — это привѣтствіе было послано командующимъ полкомъ генералу Данилову. Была возглашена здравица и громогласное многолѣтіе Полковому Главному Священнику — Протоіерею Сергію Голубеву.

Командующій полкомъ еще предложилъ тостъ за генераль-адъютанта Мищенко; за генераловъ: Раненкампа, Экка, Кричинскаго; подполковниковъ Генеральнаго штаба: Минуть, Склифасовскаго и Одишелидзе; подполковнику Одишелидзе (бывшему начальникомъ штаба 6 й дивизіи) посланъ такой привѣтъ: «въ день именинъ полка пьемъ твое здоровье родной нашъ Илья Зуравовичъ. Ура тебѣ — безстрашному предстателю правды о дѣлахъ полка предъ лицомъ Высшихъ Начальниковъ. Вспомнили попечителей о здоровіи арміи и полка, представителей всѣхъ родовъ оружія и въ частности тихую одинокую сапу, которая хотя незамѣтно, но въ концѣ концовъ дѣлаетъ свое громкое дѣло — взятіе вражескихъ укрѣпленій, недоступныхъ громкому «ура» стрѣлковъ»; — и всѣхъ лицъ, почтившихъ полковой праздникъ телеграммою.

Въ дружеской, товарищеской бесѣдѣ проводили праздникъ хозяева и гости, дѣлясь впечатлѣніями войны и наблюдениями! А изъ дворовъ ротныхъ фанзъ въ офицерскую столовую доносилось невѣроятно громкое «ура» Главнокомандующему, отъ даровъ котораго уже вкусили солдатики.

Рано, часовъ въ 5—6 уже кончился полковой праздникъ. Не такое теперь время. Еще нѣсколько часовъ гудѣли въ ротахъ веселые мотивы

русскихъ пѣсень, напомнившихъ далекую родину, ея праздничные обычаи, и полная забота жизнь военного времени вступила въ полку въ свои права и пошла своей колеей.

22-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка Священникъ **А. Богословскій**.

Р ъ Ч Ъ

Передъ молебномъ на полковомъ праздникѣ.

*«Благословенъ Господь Богъ мой укрѣпляяй
руцѣ моя на ополченіе и персты моя на брань!»*

Въ день полкового праздника, встрѣчаемый нами въ военномъ походѣ, приведемъ себѣ на память нѣкоторыя событія изъ отечественной исторіи. «Помянухъ дни древнія и поучихся».

Въ XIII столѣтіи напала на русскую землю сила невѣдомая-несмѣтная орда монгольская. Одолѣла она Русь, потому что не было тогда единачалія среди русскихъ людей, а были раздоры и неурядицы. Горе побѣжденнымъ! Горе это разразилось надъ русскимъ народомъ: свободные дотолѣ люди испытали двухсотлѣтнюю горькую неволю татарскую, свободные дотолѣ люди были обложены позорною данью, матери и невѣсты подвергались безчестію. Стонъ великій стоялъ тогда по всей нашей землѣ. Отъ горя всѣ слезы были повыплаканы, и отъ нихъ самое красное солнышко затуманилось въ очахъ печальнаго народа.

Не стерпѣлъ наконецъ обидѣ, всталъ на защиту угнетенной родины русский народъ. Собравшись съ силами и испросивъ Божіе благословеніе и помощь св. угодника, вступилъ онъ съ обидчикомъ въ кровавый бой. Могучій врагъ былъ разбитъ. Какъ воскъ отъ огня, растаяли его несмѣтныя полчища Иго свергнуто. Свѣтло стало на душѣ освобожденнаго народа.

Въ XVII столѣтіи «година лихолѣтія», какъ туча черная, повисла надъ нашей землей. Испытаніе тяжкое послалъ тогда Господь: не стало у насъ законнаго Государя. Сосѣдній храбрый народъ, пользуясь безначаліемъ, пошелъ войною на насъ. Неудача за неудачей постигала насъ. Ибо не было у насъ достаточно войска, не было единодушія, не было и средствъ на веденіе войны. Уже святыня русская—Кремль Московскій—былъ въ рукахъ непріятеля, задумавшаго посадить своего королевича на русской престолѣ.

Но иноземцу ли быть на престолѣ русскихъ царей?! Обратились къ небесной помощи наши предки, наложили на себя всеобщее покаяніе и постъ. Возставилъ Господь Минина и Пожарскаго, а ихъ кличъ: «заложимъ женъ и дѣтей и выручимъ отечество», какъ громъ ударилъ по сердцамъ народа. Полились пожертванія, явилось воодушевленное войско. Кремль былъ взятъ, земля очищена отъ враговъ. Засіяло на Руси солнце свѣтлое въ лицѣ вѣнчаннаго Богомъ царя Михаила Феодоровича Романова.

Въ минувшемъ столѣтіи еще напастъ великая обрушилась на наше отечество. Императоръ Наполеонъ, гениальный вождь, предъ которымъ сложились престолы и знамена, «съ двадесатью языками» напалъ на наше отечество. Нашъ полководецъ— знаменитый Кутузовъ, послѣ Бородинскаго боя, чтобы сохранить свое войско, постепенно отступалъ, истощая противника. Первопрестольная столица испытала ужасы непріятельскаго вторженія: храмы Божіи были осквернены, имущество жителей было разграблено, дома истреблены пжарами. Горячо молились тогда наши прадѣды, справедливо считая это нашествіе Божескимъ наказаніемъ за грѣхи. (И теперь еще въ день Рождества Христова возносится въ нашихъ храмахъ благодарственное молебствіе за избавленіе). Не до конца прогнѣвался на насъ Господь: внялъ на потребленіе царствующаго града» и молитвы русскаго народа. Съ Божіею помощію отстояли мы родину, мало того: наши знамена, развѣваясь, побѣдно шумѣли въ стѣнахъ Парижа; непобѣдимый-же дотолѣ вождь кончилъ дни свои на пустынномъ островѣ.

Такъ въ прежнія времена наши дѣды и прадѣды стояли за родину: они сражались и молились, молились и сражались, и Господь давалъ имъ побѣды. Оставили намъ Русь съ именемъ великой, святой и непобѣдимой. И намъ завѣщали передавать ее изъ рода въ родъ неопозоренною, а еще болѣе славною и возвеличенною.

Теперь настала ваша очередь постоять за Русь, и вы, послушные велѣніямъ Державнаго Вождя, уже грудью стоите за св. правду русскую, стоите противъ этихъ темныхъ силъ японскихъ, внезапно, какъ саранча, напавшихъ на наше отечество и дерзко вызвавшихъ его на жестокой бой.

Горе побѣжденнымъ! Но это горе—видѣть и слышать въ позорѣ родную страну— не намъ. Пока нашихъ было мало, подъ напоромъ массъ противника, мы отходили, нанося врагу тяжкіе удары, истощая и задерживая его, въ ожиданіи прибытія своихъ. Они уже прибыли и еще идутъ. Нашимъ удѣломъ должны быть побѣда и полное торжество. Японцы плохо знаютъ

Суворовскихъ чудо-богатырей—солдатъ Бѣлаго Царя, и узнаютъ ихъ они горькимъ опытомъ.

Вновь прибывшіе въ нашъ полкъ! вы прибыли въ одинъ изъ доблестныхъ боевыхъ полковъ. Нашъ полкъ, то въ полномъ составѣ, то частями бьется съ врагомъ уже около 10 ти мѣсяцевъ—съ береговъ Ялу и до сего времени ¹⁾).

Въ немъ все обстрѣлянные, закаленные въ бояхъ воины. Есть и офицеры, и нижніе чины, совершившіе истинно геройскіе подвиги; о нихъ повѣдаютъ вамъ ваши товарищи. Въ нашемъ полку были убитые, были раненые, но не было и вѣтъ ни одного плѣннаго—не раневого.

Были для полка тяжелые дни, но не было унынія и упадка духа. Въ военномъ походѣ приходилось переносить и зной и холодъ, видѣть одну чумизу или сухарь, но не было и тѣни ропота. Ибо каждый знаетъ, что не время и не мѣсто теперь малодушію. Кто не увѣренъ въ побѣдѣ, тяготеетъ лишеніями боевой жизни, строгостью дисциплины, тотъ ненадежный боець, тотъ измѣнникъ русскому дѣлу и святой воинской присягѣ.

А въ ротахъ вы встали на мѣста, замѣнили такихъ стрѣлковъ, которые честно, не уклоняясь ни направо, ни налево, исполнили свою присягу; принесли свою молодую жизнь, хотя и дорожили ею, какъ и всѣ, принесли ее до послѣдней капли крови, какъ чистую жертву долгу предъ Государемъ и Отечествомъ. А вамъ вмѣстѣ съ винтовками, переданными изъ ихъ осла-

¹⁾ Примѣчаніе: 13-го апрѣля конная команда у дер. Сандягоу.

16-го апрѣля—на Хусанскихъ высотахъ 2-й баталіонъ, 9-й и 11-й роты.

18-го апрѣля—на Ялу позиціи Пететевзы и Чингоо—весь полкъ.

16-го іюня—2-й баталіонъ на Лахолинскомъ перевалѣ.

21-го іюня—2-й бат. ночная развѣдка на Лахолинскій перевалъ.

4-го іюля—2-й бат. Наступленіе въ направленіи Лахолинскаго перевала и дол. Мукамснды 1-й и 2-й баталіоны на позиціи у дер. Чудяпузы.

9-го іюля—рекогносцировка долины Сунтянзы на Лахолинскій перевалъ—весь полкъ.

18-го іюля—на южномъ Янзелинскомъ перевалѣ—весь полкъ.

13-го августа—на Лявдансанской позиціи—весь полкъ.

14-го августа—на маломъ Валебатайскомъ перевалѣ—весь полкъ.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22-го августа—подъ Ляонюмъ, на позиціяхъ у Цоантунь-Хунтохай.

26, 27, 28 и 29-го сентября—наступленіе на Бенсиху 1-й и 2-й баталіонъ у деревни Уйнювень, 2-й бат. у дер. Каотанцзы.

3-го октября на Гооутилинскомъ перевалѣ—весь полкъ.

16 и 17-го ноября—у дер. Валехе 3-й бат. и 8-я рота.

Полкъ потерялъ: офицеровъ 28 чел., нижн. чиновъ 1235 чел.

бѣвшихъ рукъ въ ваши крѣпкія руки, они передали и свой священный завѣтъ: довершить ихъ дѣло—постоять за святую Русь и за ихъ пролитую кровь. Завѣщали съ новою силою ударить на врага, не боясь ранъ: ихъ съ любовью перевяжутъ ваши друзья—полковые врачи,—не боясь и смерти—умирающаго приобшудя я св. Тиннъ, а убиеннаго—и православнаго, и католика, и лютеранина,—предадимъ мы землѣ съ честью, какъ на далекой милой родинѣ. Прахъ его скроется въ нѣдрахъ земли, а душу его—мы вѣруемъ—встрѣтитъ на небѣ Самъ Христось и скажетъ ему: «благій рабъ и вѣрный, види въ радость Господа Твоего».

Всѣ вы, дорогіе войны, видѣли еще, что наши благочестивые предки, борясь за родину и прося небесной помощи, налапали на себя обѣтъ воздержанія и покаянія, и Господь давалъ имъ побѣду, въ этомъ оставили они вамъ, какъ условіе Божія благословенія, примѣръ доброй жизни. Трезвость, воздержаніе отъ сквернословія, уваженіе къ чужой собственности, чистота души—вотъ качества воина-христіанина. И всегда, въ обыденной жизни, необходимы эти качества, чтобы не прогнѣвать Господа, а въ военномъ походѣ, когда человѣкъ каждый день и часъ можетъ предстать предъ праведныя очи Божіи, каждый долженъ быть съ чистою трезвою совѣстію, чтобы явиться къ Богу во всемъ величій и праведности мученика воина.

Въ день нашего полковаго праздника, въ который весь русскій народъ въ храмахъ Божіихъ молится Святителю и Чудотворцу Николаю, молится за свое воинство и шлетъ ему свое благословеніе, крѣпко надѣясь, какъ мать на любимаго сына, что это воинство принесетъ родинѣ миръ и осушитъ слезы печали,—въ этотъ великій для насъ день помолимся небесному Покровителю, да поможетъ Онъ нашему полку доблестно продолжать боевой подвигъ за честь родины и во славу 22-го полка.

Затѣмъ помянемъ «товарищей, павшихъ въ бою, за родину жизнь положившихъ свою, увѣнчанныхъ доброю славою»—Еще попросимъ небеснаго молитвенника, да поможетъ онъ каждому изъ васъ вернуться на родину не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ, а если кому этого не суждено, такъ честно сложить голову за Вѣру Царя и Отечество.

Священникъ **А. Богословскій.**

1904 г., 6-го декабря.

Дер. Ванчагандзы.

Дневникъ полкового священника, служащаго на Дальнемъ Восто-
токѣ, обнимающій время со дня его туда отправленія.

(Продолженіе).¹⁾

19-е іюня.

Ночеваль у Карцевыхъ; всталъ въ 5-ть час. утра и отправился въ женскій монастырь исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ. Пришелъ въ монастырскій соборъ какъ разъ въ то время, какъ монахиня только что начала читать правило ко св. причащенію, я прослушалъ его. Затѣмъ явился молодой монастырскій священникъ, оказавшійся нашимъ воронежскимъ, даже сосѣдомъ—изъ Россоши; онъ предложилъ мнѣ отслужить литургію, на что я съ радостью согласился. Поисповѣдавшись у старца, я совершилъ св. Литургію, первую въ Азіи.—Отлично пѣли монахини. Пріятно было служить: и храмъ прекрасный, и пѣніе стройное, но люди—ни души знакомой, родной..., такъ и замреть сердце, какъ оглянешься на народъ! Какъ я радъ, что приобщился св. Таинъ, гдѣ теперь еще придется?!... У игуменіи, по приглашенію, пилъ чай. Монахини очень ласково приняли меня. Простился и отправился на станцію. Стоитъ Сибирскій поѣздъ, везетъ пассажировъ на Иркутскъ, и между ними отрядъ сестеръ милосердія..

Посмотрѣлъ я на нихъ: почти всѣ завиты, напудрены, надушены, затянута въ корсеты и довольно свободно позволяютъ ухаживать за собой совсѣмъ незнакомымъ имъ офицерамъ!.. Больно чрезвычайно смотрѣть на это; утѣшаюсь однимъ, что тамъ, на поляхъ битвъ, увидя страданія людей, онѣ забудутъ о себѣ и послужатъ ближнимъ всей душой.—Подали поѣздъ. Намъ отвели чудный Пульмановскій вагонъ 2-го класса; мнѣ дали отдѣльное купэ, и я устроился въ немъ, какъ дома, съ полнымъ комфортомъ.

20-е іюня.

Плохо спалъ, часто просыпался, воевалъ съ мухами, которыя какъ-то ухитрились пробираться подъ сѣтку. Природа здѣсь пошла однообразная—степь, но земля плодородная, родитъ прекрасно и особенно пшеницу. Съ самаго утра почти на каждой станціи масса народу, и что за народъ вѣжливый: всѣ снимаютъ шапки и искренно привѣтствуютъ. Многіе держатъ въ рукахъ мѣшки съ хлѣбомъ—лепешками пшеничными, лотки съ кренделями и яйцами, которыя они, ходя по вагонамъ, давали солдатамъ, такъ что къ вечеру въ каждомъ вагонѣ набралось по большой кучѣ лепешекъ и

¹⁾ См. № 3 «Вестн. Воен. Дух.» стр. 85.

всякой снѣди! На одной станціи мужикъ разносилъ въ подарокъ чудный свѣжій лукъ, и я соблазнился, взявъ себѣ пучекъ, которымъ за завтракомъ съ удовольствіемъ лакомился.—Къ 11-ти час. утра пріѣхали на ст. «Зырянка», и здѣсь я отслужилъ обѣдницу, во время которой говорилъ эшелону краткое поученіе о необходимости въ предстоящихъ трудахъ взаимной любви и поддержки, а также соблюденія строгаго послушанія начальству, храненія дисциплины. Послѣ раздавалъ книжки и листки солдатамъ и народу. Нужно было видѣть радость станціонныхъ служащихъ и усердіе, съ которымъ они молились; оказывается, церковь отъ нихъ въ 15-ти верстахъ и службы на станціи никогда не бываетъ. Пѣли по прежнему всё, и вообще Богослуженіе прошло съ такимъ же одушевленіемъ и радостію, какъ и 13 го іюня.—Въ 1 часъ дня пріѣхали въ г. Курганъ, Тобольской губ. Городъ имѣетъ 20-ть тысячъ жителей; достаточно—поляковъ; красоты никакой, хорошъ только мостъ черезъ р. Тоболь. Дорога вездѣ охраняется часовыми изъ запасныхъ.

21-е іюня.

Однообразная степь съ жиденькими деревцами и солончаковыми озерами. Только и разнообразія, что встрѣчающіеся въ степи огромные табуны киргизскихъ лошадей, стада скота и около нихъ гарцующіе на своихъ карликахъ—ковняхъ киргизы съ длиннѣйшими кнутами. Киргизы при 33° жары щеголяютъ въ ватныхъ халатахъ, крѣпко затянуты поясами и на головахъ мѣховыя шапки,—лица загорѣли, какъ уголь, вымазаны саломъ.—Въ полдень показался г. Петропавловскъ,—это уже Акмолинская область, земли войска Сибирскаго—казаковъ. Городъ очень живописно разбросанъ на гористомъ берегу р. Ишима (притокъ Иртыша), черезъ которую перекинутъ весьма длинный мостъ. Въ городѣ поражаетъ обиліе мечетей—ихъ пять, всё каменные, съ высокими минаретами. Оригинальны мусульманскія кладбища: на каждой могилѣ поставленъ маленькій домикъ—въ родѣ конурки и покрытъ желѣзомъ. Жара страшная. Вышелъ на станцію, буфетъ помещается въ палаткѣ, духота невообразимая. Осматривалъ вокзальную церковь, построенную на деньги фонда Императора Александра III-го; очень красивая церковь съ дубовымъ иконостасомъ. Вывели лошадей, сдѣлали проѣздку; у насъ пока все благополучно, а вотъ въ 4-мъ эскадронѣ не ладно: сейчасъ получили телеграму, что у него заболѣлъ солдатъ, котораго оставили въ Курганѣ, да у лошади—солнечный ударъ. У насъ же вышелъ казусъ: вырвалась лошадь и убѣжала въ степь, два солдата верхами

не могли нагнать, такъ и уѣхали,—на слѣдующей станціи за 16 верстъ киргизы привели ее къ нашему поѣзду. Слава Богу: разразилась гроза, прошелъ крупный дождь и стало легче. Ёдемъ дальше, я перебралъ вещи, надо умудриться такъ уложить, чтобы можно было помѣстить въ двуколку. Наступилъ холодный вечеръ, всё попрятались по своимъ гнѣздамъ.

22-е іюня.

Странная здѣсь температура: днемъ жарко, ночью холодъ. Спалъ довольно хорошо, всталъ по раньше, чтобы не проспять р. Иртыша, которую будемъ переѣзжать предъ г. Омскомъ. Омскъ очень красиво расположенъ на холмистомъ берегу многоводной р. Иртыша. Вотъ и рѣка, опять длиннѣйшій мостъ, смотрю на воду и вспоминаю о судьбѣ Ермака Тимофеевича, плывшаго по этой самой рѣкѣ въ тяжелой бронѣ; онъ не могъ побороть быстроты теченія и утонулъ. Да, теченіе очень быстрое... сердце замираетъ при этомъ воспоминаніи; думалъ-ли я, когда училъ исторію, что увижу своими глазами эти мѣста?!.. Рѣка судоходная, бѣгутъ пароходы, плывутъ баржи. Вокзалъ въ 4-хъ верстахъ отъ города,—ихъ соединяетъ вѣтка желѣзной дороги; поѣзда ходятъ въ городъ и обратно каждый часъ. Около вокзала огромная слобода, скорѣе похожая на городъ, такъ какъ въ ней красуется много очень хорошей и оригинальной постройки домовъ, церковь. Спрашиваю, что это за селеніе? Кондукторъ отвѣчаетъ, что десять лѣтъ назадъ здѣсь не было ни одного дома, а съ проведеніемъ желѣзной дороги образовался цѣлый городъ.—Стоимъ три часа; генераль поѣхалъ представляться генераль-губернатору Сухотину, а офицеры осмотрѣть городъ. Пріѣхали въ восторгъ отъ магазиновъ, театра, зданій, Иртыша. Переѣхали на продовольственный пунктъ въ 15 минутахъ отъ главнаго вокзала, вывели лошадей, трубачи поѣхали въ Иртышъ купаться и купать лошадей. Опять горе: вырвались двѣ лошади и ускакали въ степь, такъ мы и уѣхали, а лошадей нѣтъ: сдѣлали заявленіе коменданту. Мы были въ мѣстахъ, которыя на судебномъ языкѣ называются «не столь отдаленныя»; теперь вступаемъ уже въ «отдаленныя»... Степи и степи, чахлыя березы, вотъ и весь ландшафтъ пути; нѣсколько станцій проѣдешь и никакого жилья, ни сель, ни церквей.

23-е іюня.

Пять часовъ утра. Пріѣхали въ г. Каинскъ; самого города почти не видно, онъ въ 12-ти верстахъ. Стоимъ два часа. Далѣе начнутся непрерывныя болота, болѣе чѣмъ на 100 верстъ, и вода—такая гниль, что мѣст-

ные жители только по привычкѣ переносятъ, а насъ предупреждали не пить, потерпѣть. Поѣхали. Дѣйствительно, непроглядныя пошли болота и степь Барабинская; вездѣ вода, покрытая плѣсенью,—въ вагонахъ сидѣть невозможно отъ несчетнаго множества нападающихъ на насъ болотныхъ обитателей, какъ мы ихъ называемъ, «песыхъ мухъ» и «японцевъ». Представьте себѣ: въ жаркій лѣтній день васъ окружаетъ масса мухъ... вы негодуете, отмахиваетесь, чуть не проклинаете день рожденія; теперь подумайте, что переживали мы, когда вагонъ и воздухъ полны не только мухами, но «роями» буквально оводовъ, стрекозъ, кузнецовъ преогромныхъ, комаровъ, мошекъ?!.. Все это кружится, жужжитъ, кусаетъ... Ёдемъ уже цѣлый день и только къ вечеру встрѣтили небольшое село съ церковью, на берегу озера—болота; бабы выносили продавать карасей—жареныхъ въ смѣтанѣ. Странныя здѣсь постройки: потолки почти всѣ покрыты землей съ дерномъ. Кругомъ на жилыхъ мѣстахъ вездѣ курится пометъ, нарочно жгутъ и этимъ немного ограждаютъ себя отъ комаровъ и оводовъ! Замѣчательно, что животныя сами лѣзутъ въ дымъ и стоятъ тамъ. На лицахъ надѣты сѣтки, или почти наглухо обязаны они платками съ прорѣзомъ для глазъ.

24-е іюня.

Утро, 6-ть час.; наскоро одѣлся, сейчасъ переѣзжаемъ широкую и глубокую Сибирскую р. Обь по мосту не много меньше Волжскаго; на другой сторонѣ станція «Обь» и новый городъ «Николаевскъ». На ст. «Кривошеково» простояли лишнхъ два часа, такъ какъ въ «Оби» собралось уже восемь эшелоновъ и для насъ не было мѣста, наконецъ тронулись. Переѣхали р. Обь... уже стали свыкаться съ длиннѣйшими мостами и многоводными рѣчками, а сначала было такъ жутко! Рѣка очень оживлена, много пароходовъ и баржъ; видимо, р. Обь хорошая водная торговая артерія, да еще на самомъ берегу—станція «Обь». Соединеніе желѣзнаго и воднаго путей сдѣлало то, что здѣсь образовался торговый пунктъ,—теперь уже городъ «Ново Николаевскъ» или, какъ здѣсь его зовутъ, «Никольскъ». Девять лѣтъ назадъ на мѣстѣ этого города была непроходимая «тайга», съ дикими звѣрями, ни одного дома буквально, а теперь большой торговый городъ съ сорока тысячами жителей, чуднымъ соборомъ, еще тремя церквями, прекрасными школами, магазинами... прямо по американски, да и городомъ—то сталъ только съ 15-го января 1904 года. Городъ очень живописно расположенъ на крутомъ берегу Оби. Приѣхали, выгрузились; здѣсь стоимъ двое сутокъ; путей запасныхъ мало, а собралось уже десять эшелоновъ...

что творится на коновязяхъ—просто ужасъ: двѣ тысячи лошадей собраны вѣстѣ на веревочныхъ коновязяхъ, ихъ кусаютъ мухи; жара, лошади дерутся, ржутъ, визжать!.. Здѣсь же работаетъ интендантская рушка, сушилка, вѣялка!..—все шумитъ, кричитъ и покрыто тучею пыли. Что же будетъ на войнѣ?—страшно подумать. Терпѣли, терпѣли солдаты, да и взялись за кнуты, хворостины и начали строптивыхъ кусакъ и драчуновъ отхлестывать по спинѣ, только этимъ и смирили немного,—послѣ уже только крикнетъ солдатъ, да покажетъ кнутъ—сейчасъ страсти лошадиныя стихаютъ. Вотъ и подите,—кнутъ помогъ; я самъ свидѣтель, что среди этого ада больше ничего не оставалось дѣлать! Къ вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара и немного успокоились. Боже мой, цѣлыхъ шесть писемъ принесли, изъ нихъ два отъ Оли (жены) одно отъ Н. Я.¹⁾; какое счастье увидѣть въ такой дали родной почеркъ, услышать милую рѣчь, говорю «услышать», именно да; когда читаешь здѣсь письмо съ родины,—то въ воображеніи воскресаетъ самый голосъ пишущаго. Слава Богу, Оля бодрится и смирилась; о, если-бы это было не въ письмѣ только, но и на дѣлѣ?!.. Конечно, сейчасъ же отвѣтилъ. Идетъ подполковникъ 52-го Нѣжинскаго драг. полка и говорить: «совѣтую пойти въ баню, здѣсь рядомъ, казенная, хорошая! «Вотъ удовольствіе то. Дѣйствительно, прекрасная баня, и мы вымылись отлично. Вообще на этомъ пунктѣ построено нѣсколько огромныхъ каменныхъ зданій въ два и три этажа каждое; въ нихъ находятся: офицерскіе номера, солдатское помѣщеніе, столовая, офицерская и солдатскія бани, лязаретъ, прачечная,—все это даромъ, для отдыха и чистки проходящихъ войскъ! Спасибо великое устроителямъ сказали мы, да и всѣ, конечно, говорятъ то же. Около пристани стоялъ пароходъ—казенный, на который сѣли наши пѣсенники, генералъ, офицеры и поѣхали кататься по Оби; это «водяные», т. е. чиновники по водной части, оказали любезность: пригласили нашихъ покататься на ихъ пароходѣ... И понеслась удалая черниговская пѣсня въ Сибири надъ водами быстрой Оби! Со времянь Ермака не видали, вѣроятно, Сибирь и Обь въ своихъ нѣдрахъ такого молодецкаго войска! Глядя на пльвшихъ, живо вспомнились храбрые казаки Ермака Тимоѣевича, также пльвшіе добывать славу Царю своему и родинѣ по Сибирскимъ рѣкамъ и оглашавшіе ихъ, навѣрное, такими-же удалыми пѣснями?!.. Пѣсня истинно русская, какъ и музыка, выражаетъ

¹⁾ Генераль-лейтенанта, состоящаго при Его Высочествѣ, бывшемъ генераль-губернаторѣ Московскомъ.

душу народа... Какою широкою волною разливается пѣсня нашихъ воиновъ! Какая ширь, мощь, энергія въ пѣсняхъ этихъ! Именно только русскіе воины такъ поютъ, въ ихъ пѣснѣ ясно чувствуется безхитрость, простодушіе, вѣра и сила, сила могучая, не падающая, не теряющаяся при напастяхъ, а идущая все впередъ и впередъ, пока не достигнетъ цѣли своей... Да, особенно поетъ войско русское: грянетъ-ли хоромъ съ бубнами пѣснь военную—заликуетъ другъ, затрепещетъ врагъ, —запоютъ-ли хоромъ «Отче нашъ»—слышитъ Богъ его вѣру и молитву сердечную! Люблю я своихъ воиновъ, съ малолѣтства сталъ любить ихъ, а теперь въ восхищеніи отъ ихъ терпѣнія, безропотности, даже радости, что вотъ —де и они «сподобились» постоять за Русь - Матушку, за Царя - Батюшку, за вѣру православную—это ихъ слава!

25-е іюня.

Утро; стоимъ въ «Оби». Услышалъ звонъ въ желѣзнодорожной церкви и поспѣшилъ къ Богослуженію. Къ обѣду купилъ себѣ пару чудныхъ копченыхъ стерлядей за 25 коп.; не повѣрилъ, когда сказали цѣну; вѣдь, это вкуснѣе сига, впрочемъ, стерляди въ Оби сколько угодно, потому и дешево.

26-е іюня.

Тронулись въ дальнѣйшій путь. Началась «тайга» сибирская, мѣстность холмистая, покрытая сплошь лѣсомъ, деревья уже не чахлая, какъ въ Барабинской степи, а огромной высоты и толстыя. Встрѣчается много полянъ и овраговъ безъ лѣса, они покрыты густо высокою травой, такой высокой, что коровы видны только наполовину; масса цвѣтовъ разнообразныхъ окрасокъ!—Воздѣланныхъ полей почти нѣтъ, сель—ни одного не встрѣтили до вечера, а лишь при станціяхъ пять-шесть домовъ новоселовъ—переселенцевъ, еще не устроившихся и не обстроившихся. На ст. «Чабула» я разговорился съ мужичкомъ—переселенцемъ Курской губ.—о землѣ; онъ сказалъ, что землю еще правительство не дѣлило между ними, а пахать каждый, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, такъ же и косить; только деревья безъ разрѣшенія лѣсничаго рубать нельзя; да они и боятся уходить далеко въ тайгу: можно легко погибнуть. Солдаты наши купили двѣ косы и косятъ на каждой остановкѣ сѣно, сколько хотятъ. Вотъ въ какую страну пріѣхали, странно какъ-то даже!—Пью безъ конца чай—Мошки и комары—это здѣшнее бѣдствіе; начальники станцій, кондуктора, стража,

работіе, мы—всѣ въ сѣткахъ. Бѣдныя лошади прямо мучатся. Купилъ себѣ на одной станціи земляники и клубники, поѣлъ и заплатилъ жестоко; не буду больше ѣсть здѣшнія ягоды, онѣ растутъ на болотистой почвѣ и, кажется, вредны.

27-е іюня, воскресенье.

Четыре часа утра (8 по мѣстн.), пріѣхали на ст. «Тайга», что близъ г. Томска; хотѣлъ здѣсь устроить Богослуженіе, но наше начальство еще спитъ, а служащіе очень просили... Что дѣлать, пришлось отложить. Ходилъ смотрѣть привокзальную церковь, каменная, но мала чрезвычайно, между тѣмъ кромѣ большого числа служащихъ, здѣсь же расположенъ довольно большой поселокъ изъ переселенцевъ; замѣчательно — ни одной соломенной крыши. Церковь внутри ремонтируется, службы не будетъ. Симпатичный сторожъ старикъ при этой церкви отставной солдатъ; узнавши, что я полковой священникъ, онъ воодушевился и сталъ рассказывать, какъ онъ воевалъ въ 1877 году, какъ брали Карсъ, и пожелалъ мнѣ, чтобы я на войнѣ подражалъ ихъ священнику: «вотъ у насъ батюшка былъ, старикъ, бѣлый какъ лунь, а при штурмѣ Карса и другихъ битвахъ всегда съ крестомъ въ рукахъ съ нами идетъ, въ атаку мы, и онъ съ нами; благословитъ крестомъ насъ... славно было биться рядомъ съ нимъ!»... Это было въ Абхазскомъ пѣхотномъ полку, фамилію священника старый вояка забылъ. Я поблагодарилъ его за пожеланіе. — Пошелъ къ генералу, рѣшили служить обѣдницу на ст. «Судженка», куда приходимъ въ 9 час. утра по Петерб. врем. — Опять ѣдемъ «тайгою»... я представлялъ себѣ бывало тайгу чуднымъ лѣсомъ, красивой, но оказалось не то. Мы обыкновенно привыкли видѣть лѣсъ зеленымъ, всякое сухое дерево сейчасъ-же убираютъ, а тайга — это дремучій лѣсъ, но перепутанный, то есть, среди зеленыхъ пихтъ, сосенъ, кедровъ, березъ и другихъ находится масса сухихъ деревьевъ, поломанныхъ, обгорѣлыхъ и тутъ-же валяющихся; встрѣчали десятки десятинъ горѣлыхъ деревьевъ, —эта безжизненность, присутствіе сущняка, котораго никто не убираетъ—страшно портитъ общую картину тайги.

На одной станціи разговорился съ крестьяниномъ; переселился въ 1853 г.; жаловался на трудность воздѣлыванія земли, на плохую почву; и много земли, да толку мало, замучились пахотой, а родить скудно, — дѣйствительно, встрѣчающіяся воздѣланные поля —жидки. Поддерживаетъ здѣшній людъ тайга да сѣнокосы.

Пріѣхали въ «Судженку»; начальникъ станціи, кажется, полякъ, не

позволилъ служить обѣдницу въ залѣ 2-го класса; пришлось устраиваться въ 3-мъ классѣ, гдѣ не оказалось даже иконы; я принесъ свою, св. Митрофанія, да Евангеліе поставилъ и крестъ; сторожъ принесъ двухкопѣчную свѣчку;—вотъ и церковь готова!

Собрались генераль, офицеры и почти весь эшелонъ да служащіе: много богомольцевъ оказалось. Служба, какъ и прежде, прошла очень хорошо, воодушевленно всѣ пѣли; я говорилъ поученіе о необходимости честно и вѣрно исполнять возложенный на насъ Богомъ и Царемъ долгъ, помнить присягу и не только исполнять, какъ приказаніе, но и любить свое дѣло, чтобы совершать его съ сердечностью, безъ зависти и помогая другъ другу!

При такомъ исполненіи долга, да къ тому же, если будемъ держать себя честно—Господь, Который укрѣпилъ немощи разслабленнаго, укрѣпиль и наши слабыя силы и благословить успѣхомъ наши дѣла! Приложились ко кресту... всѣ были рады и съ ободреннымъ духомъ пошли къ вагонамъ. Мѣстность немного веселѣе, тайга рѣже. Въ г. Маріинскъ пріѣхали на два часа раньше расписанія; вотъ и Сибирская дорога: говорили, она плохая, а вотъ до сей поры не только нигдѣ не задержались, но даже цѣлымъ днемъ пріѣхали раньше. Маріинскъ въ унылой мѣстности, двѣ трети жителей евреи, торговля вся въ ихъ рукахъ; никакъ не думалъ я, чтобы въ Сибири были и евреи, однако города Каинскъ и Маріинскъ почти сплошь населены ими.

(Продолженіе впереди).

Содержаніе. Высоч. награды. — Пожертвованія въ церкви воен. и морск. вѣдомствъ. — Поученіе во время говѣнія. — Война и «толстовство». — Русскій героизмъ и пастырь на войнѣ. — Полковой праздникъ въ Маньчжуріи и рѣчь, сказан. предъ молебномъ. — Дневникъ полкового священника, служащаго на Дальнемъ Востокѣ. (Продолженіе).

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 8-го Февраля 1905 года

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.